

надруковані у книгах, а також записи на компакт-дисках. Комп'ютеризовані тексти і звукові файли є записані на CD-ROM.

У статті розглянуто фактори формування японської літературної мови. Встановлена ключова роль у цьому діалекту Токіо. Також стаття висвітлює сучасний стан мови, у якому діалекти займають вагоме місце. Поданий матеріал може слугувати початком подальших досліджень у сфері вивчення японських діалектів.

Джерела та література:

1. Алпатов В. М. Япония : язык и общество : [Электронный ресурс] / В. М. Алпатов. – М. : Муравей, 2003. – Режим доступа : <http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml>.
2. Попов К. А. Японские диалектологи и их основные работы / К. А. Попов // Японский язык. – М. : Изд. вост. лит., 1963. – С. 133-173.
3. Lee Y. The Ideology of Kokugo: Nationalizing Language in Modern Japan / Y. Lee; translated by Maki Hirano Hubbard. – Honolulu : University of Hawaii Press, 2009. – 259 с.
4. Onishi T. Dialectology in the National Institute for Japanese Language : [Electronic resource] / T. Onishi // Dialectologia : revista electronica. – Barcelona : Universitat de Barcelona, 2009. – № 2. – С. 37-50. – Access mode : http://www.publicacions.ub.es/revistes/ejecuta_descarga.asp?codigo=403.
5. Shibatani M. The Languages of Japan : Cambridge Language Surveys / Masayoshi Shibatani. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 428 с.
6. 小松英雄. いろはうた—日本語史へのいざない / 小松英雄. – 東京 : 講談社, 2009. – С. 352. = Komatsu Eiyuu. Iroha uta – Nihongoshi e no izanasai / Komatsu Eiyuu. – Toukyou : Koudansha, 2009. – С. 352.
7. 森鷗外. 青年 : [Electronic resource] / 森鷗外. – 東京 : 新潮社, 1998. – Access mode : <http://www.aozora.gr.jp/cards/000129/files/2522.html>. = Mori Ogai. Seinen : [Electronic resource] / Mori Ogai. – Toukyou : Shinchousha, 1998. – Access mode : <http://www.aozora.gr.jp/cards/000129/files/2522.html>.
8. 岡本雅享. 言語不通の列島から単一言語発言への軌跡 / 岡本雅享 // 福岡県立大学人間社会学部紀要. – 福岡 : 福岡県立大学人間社会学部, 2009. – Vol. 17. – № 2. – С. 11-31 = Okamoto Masataka. Gengo futsuu rettou kara tan'itsu gengo hatsugen e no kiseki / Okamoto Masataka // Fukuoka kenritsu daigaku ningen shakai gakubu kiyou. – Fukuoka : Fukuoka kenritsu daigaku ningen shakai gakubu, 2009. – Vol. 17. – № 2. – С. 11-31
9. 新村出. 広辞苑 第五版 : [Electronic resource] / 新村出. – 東京 : 岩波書店, 2005. – 1 електронний словник : IC Dictionary SL-LT3. = Shinmura Izuru. Koujien Daigohe : [Electronic resource] / Shinmura Izuru. – Toukyou : Iwanami Shoten, 2005. – 1 електронний словник : IC Dictionary SL-LT3.). – Назва з етикетки.
10. Tangorin Japanese Dictionary : [Electronic resource] / G. Bober. – Access mode : <http://tangorin.com>.

Ширалиева Ш.

УДК 811.512.1

О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДЕЙСТВИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Постановка проблемы. Глагол является самой большой категорией, отражающей национальные особенности языка. Эта часть речи, как с точки зрения лексико-семантической системы, так и грамматического строя, выступает в роли самой богатой и различной единицы языка.

Если глаголы и определяются в качестве слов, обозначающих состояние, действия, их лексико-семантическое распределение более различно. Эта особенность динамичности языковой категории еще больше увеличивает ее функциональные возможности. И с этой точки зрения, изучения семантико-функциональных возможностей отдельных лексико-семантических групп глагола приобретает важное значение. Глаголы в парадигматическом и синтагматическом плане имеют различные модели и функции, и исходя из этого определение их взаимной связи очень важно. В этом ряду глаголы действия особенно привлекают внимания. Глаголы действия по своему лексико-семантическому многообразию, функциональному богатству отличаются от других глагольных видов. После 60-ых годов прошлого века на основе теории функционально-семантического поля, возросла тенденция к исследованию классификации глаголов по семантическим группам на основе материалов различных языков, было начато изучение функционально-семантической сущности, синтаксической вариативности и др. [1].

«В виду того, что глаголы действия выражают действия, происходящее во времени и пространстве, они создают ассоциации с множеством предметов и событий и поэтому смысловая структура подобных глаголов бывает очень широкой» [2, 1]. Чрезмерная многочисленность признаков, приобретенных глаголами действия в языке, создала возможность для их всестороннего исследования, языковые уровни глаголов действия изучены на основе материалов отдельных языков, в том числе материалов разносистемных языков.

В тюркологии в основном прослежено лексико-семантическое развитие глаголов действия, вместе с тем, глаголы действия изучены в сравнительно-сопоставительном плане на основе разносистемных языков [3, 32; 4, 27-34].

Видные тюркологи Н.К.Дмитриев, Н.А.Баскаков, Л.Н.Харитонов определили лексико-семантические группы глаголов действия, провели описание глаголов действия, уточнили их роль в процессе словообразования [5, 132-201; 6, 352-387].

В совместной статье Н.К.Дмитриева, В.М.Чистякова и Н.З.Бакеевой, изданной в 1952-ом году, семантика глаголов в татарском и русском языках была сравнительно исследована, глаголы были классифицированы в различные семантические группы, были определены признаки, характеризующие каждую группу [7, 16]. Эта статья как одна из первых инициатив, направленная на изучение глаголов действия, имеет большое значение. Исследования Э.Р.Тенишева также могут считаться удачной исследовательской работой с точки зрения лексико-семантической классификации глаголов. Так как Э.Р.Тенишев выявил место и положение глаголов действия среди других лексико-семантических групп глагола в тюркских языках, и провел общую классификацию. Автор связал глаголы действия с глаголом работы и положения и отметил их тесную связь. Он разделил глаголы действия на две различные группы: глаголы общего значения и глаголы специального, особого значения. В классификации Э.Р.Тенишева в группу глаголов действия общего значения были внесены глаголы, которые составляют противоположность друг-другу в семантическом плане, а в группу глаголов действия специального значения были внесены глаголы, обозначающие способ и темп действия [8, 232-293].

Исследование «Глаголы речи в тюркских языках» Н.З.Гаджиевой и А.А.Кокляновой имеет большое значение с точки зрения разъяснения глаголов, связанных с процессом речи, являющихся одной из лексико-семантических групп глаголов и их лексико-грамматических особенностей. Говоря об истории исследования глаголов действия в тюркских языках необходимо упомянуть и статью А.А.Юлдашева «Чувственно усвояемые глаголы» написанной на основе материалов тюркских языков. Здесь глаголы, связанные с процессом восприятия, которые в себе объединяют часть глаголов, связанных с мышлением, широко анализированы с семантической и грамматической точки зрения, на основе языковых фактов, исследованы специфические семантические признаки и функциональные особенности, присущие им. Исследователь особое внимание уделил характерным признакам, проявляющимся во время употребления глаголов, непосредственно входящих в эту подгруппу в отдельных стилях языка и в различных ситуациях, представил обширную информацию об их синтаксической позиции.

И это непосредственно способствует выявлению основных особенностей глаголов, входящих в определенную лексико-семантическую группу, определению признаков, и в целом выделению своей важной роли в классификации лексического пласта языка [9, 297-322].

В общем, в статье «Глаголы действия в тюркских языках» В.Ф.Вешиловой можно встретить более обширную и подробную информацию о лексико-семантическом содержании, проявляющем себя в глаголах тюркских языков, в том числе, глаголах азербайджанского языка, об их основных особенностях, также о глаголах действия, являющихся одной из этих групп и об их позиции, морфологической структуре, значении, лексических и синтаксических функциях. В статье, которая условно состоит из трех разделов, автор с лексико-семантической точки зрения определил четыре группы глаголов тюркского языка (действия, работа, жизненный процесс и глаголы, обозначающие природные явления) представил подробную информацию о морфологической структуре грамматических особенностях и лексическом значении этих глаголов. В.Ф.Вешилова связывает глаголы действия с местоизменением субъекта в пространстве, обращает особое внимание их лексическому значению, разделяет их на четыре группы:

- 1) Глаголы, выражающие способ выполнения действия, не обозначив его направление;
- 2) Глаголы, обозначающие только направление действия;
- 3) Глаголы, обозначающие как направление, так и способ исполнения;
- 4) Глаголы, не обозначающие и направление, и способ исполнения [10, 101-116].

В.Ф.Вешилова разделила глаголы действия в тюркских языках согласно их морфологической структуре, на корневые глаголы, образованные от существительных и сложные глаголы, и на основе конкретных языковых материалов написала об их специфических признаках. Исследователь, отмечающий образование глаголов действия с производной структурой от имени существительного, прилагательного и восклицания, показывая, что слова, участвующие в образовании производных глаголов действия, конкретизируют значение процесса действия, обозначенную глаголом, выясняют его с различных сторон, определила шесть групп этих глаголов. Ученый совершенно верно отметила, что имена, участвующие в образовании глаголов этого типа при приобретении отличающегося значения понятие действия выражается сложными глаголами, и в образовании таких глаголов участвуют слова, которые могут быть употреблены как в качестве вспомогательных, так и самостоятельных глаголов. Исследователь, исследующий глаголы действия в тюркских языках в то же время дал информацию об их грамматических особенностях. Она отметила связь глаголов этого типа в основном с падежами места, происхождение определенных действий в рамках определенного пространства, она также внесла ясность их грамматической позиции. А это создает возможность получения более обширной информации о грамматических особенностях глаголов с содержанием действия в тюркских языках. В упомянутой статье уделено особое внимание и лексическому значению глаголов действия. Согласно мнению Н.К.Дмитриева, В.М.Чистякова, Н.З.Бакеевой эти глаголы, являясь глаголами, обозначающими направление и средства действия, делятся на две группы. А сгруппировав глаголы действия таким образом, авторы представили более обширную информацию о них и в определенной степени направили исследования, которые будут в дальнейшем вестись в этой области. Данное исследование, проведенное В.Ф.Вешиловой в связи с глаголами действия, наряду с тем, что с научной и теоретической точки зрения является очень важной, оно также может быть ценным научным источником для всестороннего и научного исследования глаголов действия в тюркских языках и в том

числе, в азербайджанском языке с точки зрения семантики. Но в исследовании В.Ф.Вешиловой имеются некоторые спорные нюансы. И.К.Халиков также на основе материалов отдельных тюркских языков исследовал глаголы действия. А в исследовании В.В.Кульмагаметовой глаголы действия и глаголы работы были перепутаны друг с другом.

Групповой объем глаголов действия определяет различные критерии. Одна группа лингвистов (А.А.Шахматов, А.В.Исаченко, А.А.Потебня) на основе данных глаголов настаивают на существовании семантической и морфологической корреляции, другая группа лингвистов (Х.Востоков и др.) связывают глаголы действия с идеей отношения субъекта с пространством. А третья группа исследователей (Л.П.Клименко, Н.С.Дмитриева, Р.И.Сирита и др.) указывают, что на основе глаголов действия стоит семантическое словообразование и синтаксические признаки. Виды глаголов действия в отдельных тюркских языках группируются различным образом. Например, кандидатская диссертация Т.Васильевой посвящена месту глаголов действия в лексической системе чувашского языка, их структурно-семантической организации, синтагматическим особенностям и типам словотворчества, связи, образованной глаголами действия в структуре предложения, роли в образовании словосочетаний.

Казахский лингвист М. Оразов с семантической точки зрения классифицировал глаголы в казахском языке и разделил глаголы действия на 9 групп. Автор указал, что действие происходит на земле, в воде, в воздухе, определил ее направление. В исследовании анализированы значения двадцати малых групп глаголов действия, валентности и этимологии. А.А. Цалкаламанидзе разделил глаголы в узбекском языке, по семантико-синтаксическим особенностям на две группы: 1) глаголы, отличающиеся действиями, семантические признаки которых направлены; 2) глаголы, отличающиеся действиями, семантические признаки которых не направлены. В первой группе за основу берется способ, скорость и манера действия. Также в эту группу входят невольные (механические) действия, динамические глаголы с дифференциальным признаком. Подобные глаголы также можно назвать субъектными (абсолютными) глаголами. А во второй группе действие, объединенное по общесемантическому признаку, обозначает изменения места объекта в определенной области [2, 79].

Казахский лингвист С.Маралбаева изучила глаголы, обозначающие интенсивные действия. Она исследовала глаголы действия в функционально-семантическом аспекте. В исследовании С.Маралбаевой определены сущность и природа данных глаголов, указаны основные характерные признаки, определена семантическая структура. В то же время характеризуется каждый семантический тип глаголов интенсивного действия. Конкретизированы средства выражения глаголов, выражающих интенсивные действия в языковой системе, также в функциональном плане [11, 14]. Н.Гаджиэминоглу в своей книге «Глаголы с точки зрения структуры в турецком языке» делит глаголы турецкого языка по семантическому принципу на 4 группы, одна из этих групп является «глаголами, обозначающими действие» [12, 13]. Уйгурский лингвист В.Махпиров пишет, что глаголы действия занимают определенное место среди лексико-семантических групп глаголов в уйгурском языке. Он отмечает, что глаголы действия в этом языке сохранили свои древние и простые типы [13, 34]. Классификацией глаголов в азербайджанском языке мы впервые встречаемся в книге «Грамматика азербайджанского языка». В этом исследовании глаголы по лексико-семантическим особенностям разделены на пять групп: глаголы действия, глаголы работы, глаголы речи, глаголы связанные с процессом мышления, видения и слуха и глаголы состояния – положения.

С.А.Рзаева разделила глаголы в азербайджанском языке в следующие группы: глаголы речи, глаголы мышления, глаголы видения (зрения), глаголы слуха, глаголы положения, глаголы деятельности, глаголы действия, глаголы местоизменения [14, 197]. Г.Кулиев семантическую классификацию глаголов С.А.Рзаевой считает незавершенной. В первую очередь потому, что эта классификация, в общем, не охватывает все глаголы. С другой стороны, в данном делении имеются и некоторые путаницы. Например, глаголы видения и глаголы слуха связаны с деятельностью органов осязания [15, 21]. А.Г.Джафаров, представивший иные критерии для классификации лексико-семантических групп глаголов, определил десять групп глаголов в азербайджанском языке. В этой классификации, как названия, так и их семантика в большой степени отличаются от большинства делений. Так автор сгруппировал глаголы азербайджанского языка по семантическим особенностям, следующим образом: 1) глаголы, обозначающие биологические и социологические действия; 2) глаголы, обозначающие естественные нужды; 3) глаголы, связанные с изменениями возраста и роста; 4) глаголы, связанные с плачем и смехом; 5) глаголы, видения (зрения), слуха и речи; 6) глаголы, связанные с психической деятельностью; 7) глаголы, действия; 8) глаголы, обозначающие обмен и игру; 9) глаголы, обозначающие температурное изменение; 10) глаголы, связанные с горением [16, 86-113].

Выводы и перспектива. Вопрос точной классификации глаголов действия в тюркских языках видимо и в будущем будет составлять одну из ведущих направлений исследований в области изучения глаголов. Если это с одной стороны связано с отсутствием совершенной классификации, то с другой стороны богатством глаголов, возникновением новых точек зрения, связанных с этими единицами языка.

Источники и литература:

1. Псянчин Ю. Лексико-семантическое поле глаголов движения Башкирского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Псянчин. – Казань : 1967. – 20 с.
2. Цалкаламанидзе А. Семантико-синтаксические группы глаголов в узбекском языке / А. Цалкаламанидзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1987. – 185 с.

3. Саттарова М. Р. Сопоставительное изучение лексико-семантической сферы глаголов движения в русском и узбекском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Р. Саттарова. – Казань, 1967. – 20 с.
4. Гарипова Н. Д. К сопоставительной характеристике русских и башкирских глаголов движения и положения в пространстве / Н. Д. Гарипова, Д. М. Хасанова // Ученые записки Башкирского Государственного Университета. – 1968. – Вып. 28. – № 10. – С. 27-34. – (Филологические науки).
5. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М., Л., Баку : Изд-во АН Азербайджанской Республики, 1998. – 364 с.
6. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык / Н. А. Баскаков. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Ч. 2 : Фонетика и морфология. – С. 352-387.
7. Аллахвердиева А. Э. Семантические и грамматические особенности глаголов, обозначающих вертикальное движения (на основе материалов английского и азербайджанского языков) : дис. ... докт. филол. наук / А. Э. Аллахвердиева. – Баку, 2009. – 134 с. – На азерб. яз.
8. Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках / Э. Р. Тенишев // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 232-293.
9. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1965. – 284 с.
10. Вешилова В. Ф. Глаголы движения в турецком языке / В. Ф. Вешилова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1962. – Т. 4 : Лексика. – С. 101-115.
11. Маралбаева С. М. Семантика процессности действия и способы ее выражения в казахском языке : автореф. дис. ... кан. филол. наук / С. М. Маралбаева. – Алма-Ата, 1991. – 17 с.
12. Гаджиеминоглы Н. Глаголы в турецком языке с точки зрения структуры / Н. Гаджиеминоглы. – Анкара : 1961. – 133 с. – На турецк. яз.
13. Махпиров В. Некоторые особенности лексики уйгурского языка / В. Махпиров // Вопросы тюркского языкознания. – Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1985. – С. 29-35.
14. Современный азербайджанский язык. – Баку : Элм, 1980. – Т. II : Морфология. – С. 196-199.
15. Кулиев Г. К. Семантическая классификация глагола в разносистемных языках / Г. К. Кулиев. – Баку, 2001. – 255 с. – На азерб. яз.
16. Джафаров Г. Лексико-семантическая система азербайджанского языка / Г. Джафаров. – Баку : Элм, 1984. – 120 с. – На азерб. яз.

Шермет В.В.

УДК 811.161.1+811.161.2+811.411.21+811.512.161

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В АВТОМАТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ТУРЕЦКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Постановка проблемы. Обзор имеющихся источников по методологии перевода [1-3;7;10;12;16] показывает, что в настоящее время в электронной лексикографии преобладает алгоритмизация [4;10]. Что касается понимания категории падежа, то оно эволюционировало к «глубинному», формальному, когнитивному [8;10;11;14;15;18;20;22]. В современных работах отражено осознание важности взаимодействия падежа с другими категориями, а также единство семантики, морфологии, синтаксиса в его формировании.

На данный момент не существует модели автоматического перевода в сфере русского, украинского, турецкого и арабского языков. В ее создании модель падежа - ключевая. Она должна: 1) быть межкатегориальной; 2) отображать специфику рассматриваемых языков. **Цель** статьи - теоретическое описание такой модели, через решение **задач**: 1) теоретическим описанием структуры падежа в автоматическом переводе на уровне эквивалентов; 2) анализом языковых данных; 3) созданием переводческой модели падежа.

Использовались **методы** детерминированной выборки, сопоставительного анализа, описания на базе методики наблюдения за грамматической категорией падежа в выборке из 450 лингвистических эквивалентов предложно-падежных комплексов (ППК).

Основа эквивалентного автоматического перевода - внутриязыковые взаимовлияния [6]. Автоматический перевод падежа мы понимаем как предоставляющий ему эквивалент в другом языке, падеж – как выразитель отношений в мире, наряду с числом, родом (реальные), концептами (субъективные отношения) [13]. Падеж проявляется на морфологическом, предложном, глагольном уровнях. Подбор эквивалентов падежа, усложнен пересечением на них морфологических (МП) и семантических (СП) парадигм (за исключением И.п. и В.п.) [4;9;17;21]. МП присутствует на всех уровнях, СП, как показывает анализ выборки – на уровне *конкретизации* и (или) *стилизования* и глагольного уточнения (см. таб.1.).